

Ян Цзюнь открыл дверь и слегка опешил, глядя на стоящего на пороге человека. Лицо его не было безупречно красивым, но от него веяло удивительным теплом и уютом. Чёрный костюм сидел безукоризненно, на лице играла мягкая, располагающая улыбка, а тонкая золотая оправа очков придавала ему изысканную элегантность. Но больше всего Ян Цзюня поразила даже не сама манера держаться, а его статус.

Он резко обернулся и увидел Шань Я Туна, который, скрестив руки на груди, прислонился к стойке бара и с лёгкой улыбкой наблюдал за ним – похоже, его ошеломлённое лицо доставляло тому немалое удовольствие.

– Здравствуйте, я Лу Фань, новый агент Шань Я Туна. Скажите, он дома? – Лу Фань достал свою визитку и с подчёркнутой вежливостью протянул её.

– Здравствуйте, – Ян Цзюнь попытался сохранить самообладание, но это удалось ему не слишком хорошо. Дрожащими руками он принял визитку и, посторонившись, произнёс: – Проходите, Я Тун дома.

Первое, что бросилось Лу Фаню в глаза при взгляде на юношу, было сходство во взгляде – этот юноша напомнил ему того, с кем он провёл рядом шесть лет. Тогда он ещё не был золотым агентом, а лишь скромным помощником при том человеке. Как же так вышло, что этот новичок унаследовал его взгляд?

– Садитесь, – Шань Я Тун сделал приглашающий жест. – Вам холодной воды или чего-то покрепче?

Ян Цзюнь никак не мог понять, почему Шань Я Тун держится так сдержанно перед этим прославленным агентом. Он в изумлении уставился на двоих, стоящих в гостиной. Неужели Я Тун не знает, кто перед ним?

– Я предпочитаю чай, благодарю, – ответил Лу Фань, усаживаясь на диван. Его взгляд не отрывался от Шань Я Туна. – Сегодня после полудня состоится пресс-конференция. Подготовься.

Шань Я Тун поставил перед ним чашку со свежесваренным чаем, устроился в кресле слева и спросил:

– По распоряжению компании?

Лу Фань поднял чашку, разглядывая плавающие на поверхности чайники:

– А ты как думал?

Шань Я Тун пожал плечами и, обернувшись к Ян Цзюню, который всё ещё стоял как

вкопанный, спокойно распорядился:

- Сходи и подбери мне чёрный галстук. Только возвращайся не раньше чем через час.

Ян Цзюнь кивнул, развернулся, вышел и только когда захлопнул за собой дверь, вдруг пришёл в себя. Таким Шань Я Туна он ещё не видел. Как артист, он просто не мог не знать такого знаменитого агента. Этот человек был некогда агентом самого Цзин Ань Цзюэ – в мире агентов ему почти не было равных, а теперь он числился в компании "Тяньгуань" инструктором по подготовке кадров. И вдруг его назначают агентом Шань Я Туна? Даже если бы тот пользовался протекцией, не мог же он заслужить такое внимание. Неужели в этом мире действительно существует такая невероятная удача?

- Это твой ассистент? – спросил Лу Фань, взглянув на закрывшуюся дверь, и поставил чашку. – Видеоролики в интернете – весьма любопытная вещь.

- Вас интересует эта тема? – Шань Я Тун с улыбкой откинулся на спинку кресла. – У меня есть ещё кое-какие материалы. Если хотите, могу показать.

Этот новичок вызывал у Лу Фаня любопытство, превосходящее всякие ожидания. Откуда у столь юного артиста столько идей? И, кроме того, любой другой на его месте уже бы захлёбывался от восторга при встрече с ним – а этот держится с убийственным спокойствием. Даже если бы он играл, Лу Фань не поверил бы, что можно так безупречно изобразить безразличие.

Лу Фань чуть заметно улыбнулся:

- Ты очень интересный человек. Похоже, слухи о тебе не совсем соответствуют действительности.

- А ты, в свою очередь, не совсем соответствуешь своей репутации, – парировал Шань Я Тун, подперев подбородок рукой, а другой изящно постукивая по подлокотнику кресла. – Например, в прессе тебя называют агентом Цзин Ань Цзюэ, но на самом деле ты был лишь его помощником, ведь при всём своём звании агента ты фактически не выполнял своих обязанностей.

Лу Фань побледнел:

- Откуда... откуда ты знаешь? – все решения по делам Цзин Ань Цзюэ действительно принимал он, и по сути его работа мало чем отличалась от должности ассистента. Но об этом знали лишь высшее руководство "Тяньгуаня", да он сам. Откуда этому юному артисту такое известно?

Увидев, как изменилось лицо Лу Фаня, Шань Я Тун приподнял бровь:

- Я знаю не так много, просто никто в мире не знает Цзин Ань Цзюэ лучше меня.

- Почему? - Лу Фань вскочил и в волнении схватил его за плечи. - Откуда тебе столько известно?

Шань Я Тун слегка нахмурился:

"Этот человек раньше казался таким сдержанным и элегантным, неужели всего за четыре года он так переменился?"

- Я просто так сказал, а ты и поверил? - он снял руки Лу Фаня со своих плеч и поднялся: - Ты мой агент, твоё дело - организовывать мою работу, а не копаться в моей душе.

Он взглянул на настенные часы:

- Уже поздно, мне нужно готовиться, - он обернулся к Лу Фаню: - Что касается того, как отвечать на вопросы журналистов - я разберусь сам. Тебе сейчас важно привести в порядок собственное состояние.

Лу Фань, всё ещё бледный, обессиленно опустился на диван.

"Тот человек уже четыре года как мёртв, четыре года..."

Выходит, прошло уже столько времени. За эти четыре года он так и не встретил артиста, который мог бы сравниться с тем мужчиной. Он часто думал: если бы тот остался жив, на какую бы высоту он поднялся теперь?

Стратегии и методы того человека были недостижимы для многих. Он часто повторял, что не любит шоу-бизнес, но обожает сражаться с его обитателями - и в этом находил своё единственное удовольствие. В день его смерти, наверное, никто не горевал сильнее, чем Лу Фань. Он вкладывал все силы, все заботы в того артиста, суперзвезду, а тот исчез, погас, даже тени не оставив.

Позже он вывел в люди множество звёзд первой величины, но никто из них не смог превзойти того мужчину. Надежда в его душе угасала, он начал смиряться, привыкать.

Но теперь, глядя на плотно закрытую дверь, Лу Фань подумал: возможно, этот парень - именно тот, кого он ждал. Он верил своему глазу: в этом юноше было нечто общее с тем человеком. И он снова вознамерился взрастить суперзвезду, чтобы утолить свою застарелую, неизбывную боль.

Шань Я Тун где-то вычитал такую мысль: мужчины, предпочитающие белую одежду, в глубине

души остаются незрелыми. Но он понимал другое – женщинам всегда нравится видеть красивых юношей в белом, это соответствует их образу принца на белом коне, даже если этот принц – всего лишь иллюзия.

Мягкие, тонкие волосы касались ушей, создавая образ меланхоличного принца. Белая рубашка, белый пиджак, чёрный галстук-бабочка – именно так и должен выглядеть изящный и благородный принц, не правда ли?

Когда Ян Цзюнь вернулся с галстуком, в гостиной оба сидели с улыбками, о чём-то непринуждённо беседуя. Атмосфера была настолько дружеской, что могло показаться, будто они давние приятели.

– Ты купил то, что я просил? – Шань Я Тун улыбнулся. – Я уже подобрал подходящий галстук, так что твой пока отложи.

Ян Цзюнь не стал возражать: он и так понимал, что его отправили не за покупками. Похоже, эти двое успели обсудить что-то "не для чужих ушей".

Он положил галстук в шкаф и, выходя, услышал из гостиной ровный голос Шань Я Туна:

– Такие дешёвые трюки, как у Юань Вэня, в этом мире долго не живут.

Ян Цзюнь вздрогнул. Ему и в голову не приходило, что Шань Я Тун, который раньше терпел от Юань Вэня столько унижений, мог сказать такое. Или же он всегда так думал, просто скрывал?

– Но он популярнее тебя, – без обиняков заметил Лу Фань, просто констатируя факт, а не выказывая пренебрежения.

Ян Цзюнь вышел из комнаты как раз в тот момент, когда взгляд Шань Я Туна упал на него. Тот ничуть не рассердился на слова Лу Фаня – на его лице по-прежнему царила безмятежная улыбка.

Чем дольше он общался с этим человеком, тем яснее понимал: он совершенно не может разгадать этого парня.

На пресс-конференции уже собралось множество представителей СМИ. Всех их мучил один вопрос: почему компания "Тяньгуань" взялась защищать такого ничтожного артиста?

Что же в этом Шань Я Туне такого особенного?

Предчувствуя сенсацию, журналисты едва дожидались, когда же наконец появится главный герой.

В два часа пополудни тот, кого так долго ждали, наконец прибыл. Ещё до того, как он вошёл, в зале поднялся шум – потому что рядом с Шань Я Туном шёл не кто иной, как золотой агент Лу Фань.

Репортёры пришли в неистовство; вспышки фотоаппаратов сверкали без передышки. Однако, к их разочарованию, сам герой скандалов не выглядел ни капли утомлённым или подавленным – на лице его лежала печать полного спокойствия.

Когда главное действующее лицо уселось, на свои места опустились и несколько сотрудников компании, присланных для сопровождения.

– Сегодняшняя пресс-конференция созвана для того, чтобы сообщить всем: наша компания подписала контракт с Я Туном, и мы надеемся на вашу поддержку. Задавайте любые вопросы, это редкая возможность – упускать её не стоит, – с первых же фраз Лу Фань обозначил позицию компании и одновременно дал прямой ответ на слухи о переходе Я Туна в другую фирму.

Увидев такой настрой, журналисты сразу поняли, к чему всё идёт. Посыпались вопросы – сначала довольно мягкие, в основном о контракте, но постепенно они перешли к негативным публикациям.

– Я Тун, Юань Вэнь утверждает, что ты груб, необразован и даже дрался в детском приюте. Что ты можешь сказать по этому поводу? – спросил репортёр с одного из телеканалов, задав тот самый вопрос, который вертелся на языке у многих.

Юноша в белом смертельно побледнел, глядя на вопрошающего, и в его глазах застыла такая горечь, что журналист на мгновение опешил.

– Я признаю, что он прав, – ответил юноша, опустив голову. В зале воцарился гул. – Но я не считаю, что в этом есть моя вина, – он вскинул голову. – То, что меня оставили у ворот приюта, зависело не от меня. А когда меня обижали, я не мог вечно терпеть побои. Вы вообще знаете, что такое быть сиротой?

Голос его чуть дрожал:

– Сирота – это тот, кто, когда вы уже наигрались в куклы и приставки, всё ещё голодает. Когда вы боитесь уколов, возможно, мы больны, и нам даже лекарств не дают. Знаете ли вы, сколько сирот умирает от болезней каждый год? Вы не знаете...

В зале воцарилась тишина. Вдруг один из журналистов поднялся и сказал:

– Я верю вам, Я Тун. Я тоже когда-то был из приюта... то место... – голос его прервался от нахлынувших воспоминаний, он не мог вымолвить ни слова.

- Тогда скажите, Я Тун, каковы твои отношения с господином Сяо и с Янь Цянем? Как ты объяснишь слухи о том, что ты гомосексуалист? - внезапно спросил один из репортёров, встав с места.

Шань Я Тун разглядел бейдж на его груди - корреспондент издания "Новая развлекательная неделя".

- Я не гомосексуалист, - Шань Я Тун посмотрел на репортёра. - И я хочу попросить всех не превращать в сенсацию мои отношения с двумя уважаемыми старшими коллегами. Между нами нет ничего, кроме уважения.

- А как ты объяснишь эту фотографию? - репортёр продемонстрировал журнал, на обложке которого была размытая фотография, запечатлевшая двоих мужчин в поцелуе.

- На этом снимке, кроме того, что там изображены люди, можно разглядеть что-то ещё? - Шань Я Тун сделал паузу. - И даже если на фото действительно двое мужчин, какая в том беда? Разве любовь между мужчинами - это преступление? Или в наш век равноправной любви "Новая развлекательная неделя" считает гомосексуалов недостойными? - в голосе его послышался укор. - Неужели все те, кто борется за свою любовь, для вашего издания - лишь позор?

Лу Фань уловил в его словах скрытый смысл: он атаковал лишь одно конкретное, не слишком авторитетное издание, обвинив его в дискриминации. Никто из других журналистов не посмел бы признаться, что разделяет такие взгляды, а значит, единственный способ избежать скандала - просто замять эту тему.

"Избегать тяжёлого, искать лёгкого (1) - что ж, красивый ход".

---

1. 避重就轻 (bì zhòng jiù qīng) - литературный перевод - избегать тяжёлого, искать лёгкого - это идиома, означающая тактику уклонения от сути проблемы, когда человек намеренно избегает обсуждения главного, болезненного вопроса и вместо этого затрагивает второстепенные, малозначимые темы. В переносном смысле - дипломатичная уловка, позволяющая выйти из неудобного положения, не дав прямого ответа на нежелательный вопрос.

<http://bllate.org/book/18097/1736807>